

Марина СОКОЛОВА

Память

Очерк

Сейчас много пишут и говорят о том, как мы победили в Великой Отечественной войне. Какие мы были смелые и мужественные, порядочные и благородные, дружные и хлебосольные. Этому не все верят, особенно молодые. И мне это очень обидно, потому что это — правда.

Мы, взрослые, привыкли к этому местоимению — наш. Мы привыкли говорить «наша страна, наш народ, наша победа». И очень не хочется от этого отвыкать. Я родилась после войны и, разумеется, не принимала в ней участия. И все-таки я говорю «наша победа», потому что за меня и ради меня воевали мой отец, мой дядя и оба мои дедушки. Дядю Сашу наша семья с войны не дождалась: он погиб за несколько дней до победы.

Я много раз пыталась расспросить отца о том, как он воевал. Но отец, подобно другим героям войны, всегда был сдержан и немногословен. Однажды он признался: «Главное для меня было — не сбежать с поля боя и не застрелиться». Я всегда знала отца как очень смелого и жизнерадостного человека. Поэтому я спросила: «Почему, папа? Объясни. Я не понимаю». Ответ оказался коротким: «Потому что мне было очень страшно».

А вот что я знаю от других о том, как воевал мой отец. Четырнадцатилетним мальчиком он убежал на фронт, чтобы разыскать там отца и бок о бок сражаться за нашу Родину. Матери он прислал такое письмо: «Дорогая мамочка! Извини, что ушел без спросу. Ведь ты все равно не пустила бы меня. Добраться до линии фронта мне помог лейтенант, с которым мы ехали в одном вагоне. Когда я прибыл на место, как раз шел сильный бой. Через несколько часов я разыскал папу. Можешь себе представить, как он был поражен, увидев меня на передовой...»

Мой отец родом из Грозного. Поэтому вполне естественно, что он воевал на Северо-Кавказском фронте в 317-й стрелковой

Отец и сын Соколовы

дивизии. Это он вместе с тысячами других советских героев самых разных национальностей не пустил немецких фашистов к нашей грозненской нефти.

Мой отец — из поколений победителей. Вот как он победил своего первого фашиста. Это был немецкий разведчик, с которым юный красноармеец неожиданно столкнулся в горах. Фашист выдался высокого роста. Но юный воин не растерялся. Он был изворотливей грузного, неуклюжего немца и, изловчившись, с разбегу ударил его штыком. Фашист рухнул на землю. Свидетелем этого неравного поединка стал другой боец, случайно оказавшийся поблизости. Он рассказал о подвиге юного Димы Соколова его командиру лейтенанту Роману Клеванскому.

Прошло много лет, пока этот эпизод фронтовой биографии Дмитрия Сергеевича Соколова стал известен его родным и близ-

ким. Боевые товарищи моего отца ждали, когда зарубцуются раны войны.

Вот что писала на фронт моя бабушка Екатерина Георгиевна: «Милый, где бы ты ни был, помни свою мать, которая тебя так любила и кохала. Я горжусь, что у меня муж и сын малолетний защищают Родину. Ты, мой сыночек дорогой, пошел с отцом с искренней душой. Так будь же до конца таким же искренним и верным своей Родине, как твой отец». Через много тяжелых, кровопролитных боев прошли вместе отец и сын Соколовы. Но случилось так, что взвод Клеванского попал под шквальный огонь немцев. Соколовы разлучились надолго... но не навсегда! О том, как встретились отец и сын, рассказала дивизионная газета «На штурм»: «Только что отгремел бой. Дивизия входила в освобожденную от врага станицу Н. По улицам двигались обозы, мчались грузовики, громыхали орудия и танки. В тени домов и в садах отдыхали усталые бойцы. Высокий человек в запыленной гимнастерке остановился около старой яблони, обняв рукой теплый шершавый ствол. Он снял пилотку, и свежий ветерок обдал его сидящую голову приятной прохладой. И вдруг он услышал знакомый голос:

— Папа!

Бывалый командир, который всего лишь несколько минут назад без страха смотрел в глаза смерти, вздрогнул. В голову ударила горячая волна крови. Перед ним стоял сын.

— Дима!

Мальчик повис на шее у отца, покрывая поцелуями его изможденное, потное лицо...

Через четверть века однополчанин моего отца майор в отставке Б. Зорин, который принял близко к сердцу удивительную и вместе с тем типичную для его поколения судьбу отца и сына Соколовых, разыскал в своих старых блокнотах следующую запись:

«Научившись у отца искусству минометной стрельбы, Дима в одном бою уничтожил беглым огнем вражеский пулеметный расчет. Шесть гитлеровцев были истреблены метким выстрелом наводчика Дмитрия Соколова. На его боевом счету также один убитый немецкий унтер-офицер, разведчик...»

В последний раз на той далекой и такой близкой нам войне Б. Зорин видел отца и сына Соколовых на Кубани, в августе 1943

года: Соколов-старший в капитанских погонах и с орденом Красной Звезды на гимнастерке и мальчишка-сын в солдатской форме и с медалью «За отвагу» на груди.

О том, как сложилась в дальнейшем жизнь Соколовых, Б. Зорин узнал из письма моего деда Сергея Дмитриевича:

«В одном из боев, — сообщал ему мой дедушка, — меня ранило в голову, и вскоре, как инвалид Отечественной войны 2-й группы, я вышел в отставку. Вам, наверное, будет интересно узнать кое-что о Диме. В 1948 году он окончил мореходное училище, получил диплом штурмана дальнего плавания. Плавал старпомом, а затем капитаном на разных судах. В настоящее время он капитан рыбоморозильного судна «Тауйск». Вы писали когда-то о 14-летнем Диме Соколове, а сейчас ему 37 лет. Он женат, у него восьмилетняя дочь».

Восьмилетняя дочь — это я. Судьба распорядилась так, что я родилась в столице Азербайджана г. Баку.

А вот выдержка из заметки, опубликованной в газете «Бакинский рабочий»:

«В предоктябрьском соревновании своим умением, инициативой, рыбацкой хваткой особенно отличился экипаж рыбоморозильного судна «Тауйск», где капитаном был Д. Соколов. Экипаж добыл сверх плана 5640 центнеров рыбы».

«Где же вы теперь, друзья-однополчане?»

Война настигла отца и сына Соколовых в мирное время. Дедушка скончался от ран, а отец вынужден был уйти с моря — после инфаркта. Жить около моря и не работать в море было тяжело, и отец принял решение вернуться в Грозный — любимый город своего детства.

Его жизнь продолжалась, пока продолжалось мирное время. Он погиб в первую чеченскую войну. Не от пули — он был слишком стар, чтобы воевать. Война застала его в дороге: он спешил увидеть внучку, которую так долго ждал. Отец доехал до Невинномысска — там его сердце остановилось навсегда. Мы до сих пор не можем найти его могилу.

Мы, взрослые, никак не можем отвыкнуть от этого местоимения — наш. Мы призывали говорить «наша страна, наша война, наши могилы». А может быть, не надо от него отвыкать? Может быть, это хорошо, когда мы вместе? Давайте будем думать.